

МОЛОДЕЖНЫЕ
ХИТЫ

Мирай

Читайте в серии:
Альтернат
Альтернат. Притворный герой
Продолжение следует...

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

МЕДИНА МИРАЙ

Альтернат

ПРИТВОРНЫЙ
ГЕРОЙ

N SUGAR
BOOKS

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М63

Медина Мирай
Альтернат. Притворный герой

Иллюстрации *Darri*
Дизайн обложки *Е. Фрей*

Мирай, Медина.

М63 Альтернат. Притворный герой : NoSugar Books, издание исправленное и дополненное / Мирай, Медина; илл. Darri. — М.: Издательство АСТ, 2025. — 224 с. : ил. — (NoSugar. Хиты Медины Мирай).

ISBN 978-5-17-172989-9.

Деятельность «Альтерната» под угрозой раскрытия. Кажется, Хантер намерен уничтожить репутацию центра, а заодно показать всему миру Янтарную Тень — самоотверженного героя, работающего на них.

Силами своих помощников Хантер организывает серию изощренных нападений на простых людей. Тени не остаётся ничего, кроме как следовать указам врагов ради сведения жертв к минимуму.

Вместе с этим он пытается разобраться с Зотисом — странным опасным существом. И с Куртом — жертвой Зотиса и врагом Тени, которого тот хотел бы однажды назвать своим другом и помочь освободиться от оков мести.

Все идет к большой катастрофе, и ни Тень, ни его близкие еще не знают, к каким последствиям это может привести.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-172989-9

© Медина Мирай, текст, 2025
© Darri, иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ГЛАВА I

Пять лет назад

В последние дня четыре Иван была сама не своя. Влиял ли на нее так переходный возраст или она обиделась на что-то — Эймери не мог понять. Он лишь заметил, что пик ее подавленности приходится на утро, когда она возвращается с бесплатной едой из фудтрака у метро. Пару раз Эймери пытался узнать, отчего же она такая дерганная, но Иван отшучивалась, меняла тему разговора и, казалось, через силу заталкивала в себя еду. Удивительно, прежде аппетит у нее был зверский, настолько, что нередко она съедала свой завтрак ещё на пути к убежищу.

Сегодня она снова вернулась с потеряннм видом. Эймери не стал опять выпытывать, что случилось, только поблагодарил за завтрак, молча сел за старый обеденный столик и принялся есть.

Трудности раннего детства научили его подавлять чувства, будь то любопытство, боль или гнев. Даже если те распирали изнутри. Даже если доводили до дрожи и слез. Жить ему было проще, когда любое событие, — радостное или горестное, — он принимал так, словно оно не имело никакого значения. И пусть сердце будет разрываться в груди, Эймери скажет себе: «Нет смысла испытывать это», — и потихоньку боль стихнет. В памяти отпечатается лишь ее тень, подобная теням Хиросимы на тротуарах. В детстве Эймери часто думал об этой трагедии.

Он старался не радоваться до широких улыбок, не смеяться громко над шутками, не грустить до кома в горле и щиплющих глаза слез. Словом, не делать себя заложником чувств. Достоинно встречать трудности. В осознанном возрасте он плакал только раз, и то лишь потому, что потерял контроль от страха и безысходности. Ему не понравилось ни это чувство, ни то, во что оно превращало его лицо. Он пообещал больше не подпускать его к себе.

Лишь Иван он приоткрывал сердце, лишь с ней чувствовал покой и готовность разделить всё, что бы с ними не случилось. «И в горе, и в радости» — одиннадцатилетний Эймери знал значение слов, которые многие взрослые говорили друг другу, даже не задумываясь над смыслом. Печаль Иван он воспринимал как свою, и если она была голодна, он не делал и глотка воды, чтобы заглушить свой голод; и если она разбивала коленки, он не ложился спать, пока не обработает её раны и она не ляжет первой; и если она просыпалась от кошмаров, он как по щелчку просыпался с ней, успокаивал и ждал, когда она снова уснет; и боль обиды и разочарования, что прошивала её грудь, прошивала его грудь тоже, но была другой — её причиняло осознание, что он не может сразу освободить Иван от этой печали. Одно из немногих ярких чувств, которые он разрешал себе испытывать и не винить себя за это.

Он знал её слишком хорошо: если ей приспичит сохранить тайну, хоть режь её, хоть пытай — будет молчать. Но он обязан был избавить Иван от тревог и боли, чего бы это ни стоило. Поэтому на пятый день решил за ней проследить и выяснить, что же её беспокоит.

Как и обычно, с утра Иван отправилась к фудтраку и встала в небольшую очередь. Эймери спрятался за углом ближайшего здания и принялся наблюдать. Первое, что его взволновало, — то, что большая часть желающих поесть бесплатно — взрослые мужчины, которые выглядят не очень дружелюбно. А Иван его

успокаивала, что женщин и мужчин здесь одинаковое количество. Второе, что бросилось в глаза, — отстраненный вид подружки, старающейся держаться в стороне от очереди, но не слишком далеко, чтобы не потерять место. И, наконец, третье — стоявший впереди мужчина лет тридцати: он неоднократно оборачивался на нее, странно улыбался и ерзал на месте.

Эймери сразу сделал выводы. Но выдавать себя пока не стал, как бы ни хотелось ворваться в очередь, встать рядышком с Иваном и успокоить ее. Нужно было ждать.

Наконец очередь дошла до Ивана. Взяв два пластиковых контейнера с едой, она быстро зашагала прочь, как вдруг ее окликнул тот мужчина:

— Эй, куда ты, малышка?

Он встал перед ней, слегка раскинув руки: будто намекая, что не пропустит. Все остальные или были слишком заняты завтраком, или, едва получив его, расходились и не желали обращать внимание на то, что происходит вокруг.

— Мы с тобой не договорили в тот раз, — прогнусавил мужчина.

— Извините, мне пора. — Иван обошла его, но всего одним резким шагом он снова загородил ей путь.

— Где ты живешь? — спросил мужчина. Кажется, для него вот так приставать к незнакомым девочкам было в порядке вещей. — Такая маленькая и такая смелая. Не боишься приходить сюда одна?

Иван втянула голову в плечи, прижав контейнеры к груди. Рядом с этим бугаем в потрепанном черном пальто она правда выглядела такой маленькой и беззащитной, что все в Эймери перевернулось. Он стоял в оцепенении, не дыша и не моргая, все его чувства обострились до предела. Никогда он не испытывал ничего подобного. Он даже не знал, что это и как это описать, но оно поглотило его без остатка. Жажда... Жажда... Чего?

Он сглотнул, чувствуя, как кровь закипает в жилах и стучит в висках, как покалывает ладони и подрагивают пальцы.

Иван все же удалось уйти, но напоследок мужчина бросил ей:

— Надеюсь, в следующий раз ты будешь поразговорчивее, малышка! И мы с тобой наконец познакомимся поближе...

Эймери вернулся на чердак лишь за пару минут до Иван, но весьма артистично принял расслабленный вид: устроился в ветхом красном кресле и взял книгу.

— Что сегодня на завтрак? — спросил он, не поднимая глаз.

— Манная каша с изюмом, оладьи с джемом и сок.

Эймери все же посмотрел на нее. Стоило признать, Иван держалась достойно. Только бегающий взгляд выдавал, что каких-то двадцать минут назад она пережила настоящее словесное домогательство, и, по всей видимости, не первое.

— Мою кашу можешь забрать. Мне она не нравится. Я, конечно, бедная, но не настолько, чтобы ее есть, а потом обниматься с унитазом. — Она усмехнулась, почти так же непринуждённо, как прежде, но Эймери не поверил. Он только сделал вид, что всё хорошо, и сказал:

— Тогда возьми мои оладьи с джемом.

Лицо Иван просияло от благодарной улыбки, но глаза, как зеркала, всё ещё отражали ужас. Эймери невыносимо было видеть ее такой, но ещё невыносимее — делать вид, будто он ничего не замечает.

Они сели завтракать.

— Слушай, — заговорил он, — завтра с утра мне понадобится вай-фай, скачать одну книгу. Могу заглянуть в наш фудтрак и взять еду, а ты поспи подольше.

— О! — Эймери буквально почувствовал ее облегчение. — Давай. Только не забудь соки. Они у них отдельно в бутылках.

Ближе к ночи, когда Иван уснула, Эймери вышел на тёмную лестничную площадку и оглянулся. Рядом никого. Значит, можно приступать.

На лифте он спустился на первый этаж. Близился день, когда этот многоквартирный дом с гнилыми деревянными полами, ржавыми ящиками для почты и железными дверями, едва державшимися на петлях, снесут, чтобы построить новый торговый центр, и Эймери мысленно отметил, что уже сейчас нужно на всякий случай подыскать новое жильё. Но впервые за полгода, что они тут жили, он нашел плюс в этой ветхости — дверь в подвал была со сломанным замком. Но интересовал его не сам подвал, полный крыс, а то, что там хранилось.

Утром он, как и говорил, отправился за завтраком, пока Иван мирно посапывала под любимым старым пледом. Любила ли она этот дырявый кусок ткани взаправду или заставила себя полюбить от безысходности, сложно сказать, но Эймери собирался сделать всё, чтобы однажды она смогла спать в чистых уютных постелях и укрываться мягкими новенькими пледами.

Эймери застал того мужчину за завтраком на земле рядом с клумбой: он сидел на коленях, выпрямив спину и медленно поглощая кукурузную кашу с кусочками фруктов. Вблизи он выглядел куда ухоженнее и приятнее остальных, явно старался следить за собой, даже живя на улице. Но у Эймери это наблюдение не вызвало ничего, кроме ещё большего отвращения.

Проходя мимо, Эймери намеренно споткнулся — и свалился прямо на мужчину. В испуге тот выронил одноразовый ланч-бокс, и все содержимое плюхнулось на асфальт.

— Ты что делаешь?! — рявкнул мужчина. — Ты что, не смотришь, куда идешь?

— Простите, — пробормотал Эймери, изображая виноватый вид. Он делал это так редко, что пришлось постараться. — Я... Я как раз шел к фудтраку. Я принесу вам новый завтрак...

— Сейчас же! — Мужчина встал, стряхнул с колен остатки каши, бубня: — Я с собой возьму. Уже и поесть на улице спокойно нельзя.

Спустя пару минут Эймери принес ему новый ланч-бокс.

— Вот, сэр, держите.

— Так-то лучше, — буркнул мужчина, выхватывая коробку. Он больше не выглядел таким уж раздосадованным. Обветренные губы скривились в ухмылке. — Знаешь, а неплохой расклад. Ту порцию-то я уже почти доел, а ты мне новую подогнал. Ничего так, молодец.

Но в хриплом голосе не прорезалась даже нотка благодарности. Эймери обвел его изучающим взглядом, от лохматой головы до поношенных ботинок. Он не знал, зачем это делает. Зачем пытается рассмотреть каждую деталь его несуразной одежды, черты грубого лица и эти темные хитрые глаза с мешками под ними. Сердце тревожно стучало в груди, пальцы похолодели. В глубине души он чувствовал, он знал, что делает что-то страшное, но не мог себя остановить.

Мало было просто дать этому бездомному уйти. Эймери хотел увидеть всё собственными глазами — поэтому незаметно прошел за ним не меньше трех кварталов. Лучи солнца все сильнее пекли макушку. Наконец мужчина свернул за угол, в узкий проулок, тонущий в тени близко стоящих друг к другу многоэтажек, сел на деревянный ящик у мусорного бака и принялся есть. В этот раз он сразу перешел к печенье с шоколадной крошкой. Откусил раз, два, и вдруг печенье выпало из рук. Он вскочил, вжался в стену спиной и, тяжело дыша, медленно сполз к земле.

Эймери тихонько подошел и встал перед ним.

Мужчина посмотрел ему прямо в глаза, безмолвно моля о помощи. Он отхаркнул мокроту с красными примесями. Мешки под глазами налились синевой, из носа к губе побежала дорожка крови. Эймери не шелохнулся. Его самого била мелкая дрожь — словно каждую секунду тело прошивало током.

До чего же странные чувства. Словами их безумное сочетание не описать.

Надежда в глазах его жертвы сменилась страхом и отчаянием. Кажется, он осознал, что Эймери пришел не на выручку. А может, понял, что и кто вот-вот станут причиной его гибели?

Он перестал дышать. Эймери пнул его так, что тело упало на землю, и со стороны можно было решить, что это очередной спящий бездомный. Затем он надел резиновые перчатки, которые прихватил с собой, положил ланч-бокс в пакет, туго завязал в узел и выбросил в ближайшее мусорное ведро. Эта смерть вряд ли станет для полиции сюрпризом и заставит задуматься о ее причинах дольше, чем на минуту. Эймери так себе это и представлял.

Бродяга помер молодым? Наверное, съел отравленную еду, которую местные использовали как приманку для крыс. Все понятно. Дело закрыто.

Покидая проулок, Эймери наконец осознал, что чувствует. Облегчение. Понимание, что жизни и покою Иван больше никто не угрожает, и ей даже необязательно знать, почему.

ГЛАВА 2

Иван уже двадцать минут ворочалась в постели, не в силах разогнуться. Какие же мучения, хотелось кричать и стонать! Но, укрывшись одеялом и свернувшись калачиком, она лишь тихонько ныла от боли.

С утра она едва успела принять душ и одеться, как вдруг страшная боль прорезала низ живота. Впервые месячные пошли на несколько дней раньше, чем она ожидала, и виновником этого сбоя она справедливо считала жутчайший стресс, перенесенный в последние дни.

О многообещающей тренировке с Азаруэлем пока можно было забыть. Но беда даже не в этом. Обезболивающие, которые она обычно пила, ей больше не помогали, да и в прежние времена они начинали действовать не раньше, чем через сорок минут.

Еще двадцать минут мучений. А кажется, что прошли часы. Она даже не услышала стук в дверь.

— Иван, мы идем? — в комнату зашел Эймери, и, судя по спортивной форме, он уже был готов.

Какое счастье, что он тут!

Иван выглянула из-под одеяла. По ее измученному выражению лица Эймери, кажется, все понял.

— У тебя закончились таблетки? — сочувственно спросил он. — А прокладки есть?

— Я выпила обезболивающее, но оно не действует! — Иван уткнулась лицом в подушку и взвизгнула, надеясь хоть на небольшое облегчение. — С прокладками порядок. Когда я заехала, они уже лежали в ванной.

— Погоди минутку, ладно? — Иван услышала спешные удаляющиеся шаги. — Я схожу в медпункт. У них должно быть что-то.

Иван снова спряталась под одеяло, обхватила колени и уперлась в них носом. До чего же больно. Обычно она успевала выпить таблетки при первых же симптомах, но в этот раз ее просто застали врасплох. Теперь Иван утешала себя тем, что это случилось с ней в «Альтернате», в комфортной обстановке, а не в лесу буквально полтора дня назад.

Судя по шелчку, снова открылась дверь, и Иван медленно выползла из-под одеяла. Быстро же, однако, вернулся Эймери.

— Что я вижу! — воскликнул Азаруэль, скрещивая руки на груди с хитрой ухмылочкой. — Уже одиннадцатый час, а юная наследница многомиллиардной компании до сих пор дрыхнет в своей постельке.

Казалось, ненавидеть Азаруэля сильнее, чем в тот раз в хранилище, уже нельзя, но если тогда Иван достаточно было покричать на него, чтобы выпустить пар, то сейчас захотелось свернуть ему шею. Стоит перед ней, такой бодрый и самодовольный, — непонятно, правда, почему.

— Только тебя тут не хватало, — простонала Иван, заползая обратно под одеяло, словно в нору. — Я не в настроении. Даже говорить больно. Уходи.

— Я, конечно, знал, что ты быстро сдуешься, но ты даже из комнаты не вышла. — Он подошел ближе. — Где твой вчерашний настрой?

— Ну, судя по тебе, ты тоже не особо настроен. — Она высунулась из одеяльного укрытия и обвела его насмешливым взглядом с ног до головы. Ну и вид: черные джинсы и черная

водолазка, обтягивающая так, словно он просто раскрасил корпус и руки черной краской.

— Я еще не переделся. Решил сначала узнать, есть ли вообще смысл. И, видимо, не зря. — Он сел на кровать и повернулся к ней полубоком. — Если не хочешь становиться сильнее, так и скажи. Хватит строить из себя несчастную.

— У меня живот болит, идиот, — протянула Иван. — Плохо мне.

Азаруэль, задумчиво нахмурившись, несколько секунд тупо смотрел на нее, а затем вскинул брови, широко распахнув глаза.

— А, вот оно в чем дело. — Он вздохнул, хлопнул себя по коленям и встал. Разворачиваться к ней лицом он не спешил, вероятно, все же смутился.

— Ура-а! — простонала Иван. — Наконец-то до него дошло!

— Что же ты сразу не сказала?

— Ну, знаешь, я не привыкла такое обсуждать с посторонними мужчинами.

— Посторонними? — Азаруэль все же развернулся. На секунду Иван даже подумала, что задела его. — А кто для тебя не посторонний? Дай угадаю, — он упер руки в бока и в притворной задумчивости уставился в потолок. — Эймери и... Эймери. Ух ты, как много. Ну и где же твой дорогой друг?

— За обезболивающим пошел. И вообще, — удивительно, но раздражение придало Иван немного сил, и она смогла сесть, — что ты тут заботливого из себя строишь? Небось мечтаешь меня в таком состоянии отправить делать сто приседаний, чтобы я прямо на месте померла.

— Я, по-твоему, чудовище?

В комнату зашел Эймери с пачкой таблеток.

— Вот, нашел. Они лучше твоих...

Эймери замер при виде Азаруэля, оживления на его лице как не бывало. В воздухе повисло неловкое молчание. Когда Эймери подошел к Иван и протянул ей таблетки, Азаруэль спросил его:

— Ты идешь на тренировку? — он усмехнулся. — Или у тебя тоже что-то болит?

— Голова побаливает от твоих плоских шуток, а так я готов, — ответил Эймери невозмутимо.

Иван приснула, радуясь, что услышала это до того, как выпила таблетку. Все-таки забавно было наблюдать за их маленькими склоками. С момента знакомства они, кажется, еще ни разу не поговорили как нормальные люди, все сарказм и подначки через слово. Иван это нравилось. Она-то, ругаясь с Азаруэлем, только нервничала, а Эймери, чтобы поставить Скрипача на место, даже голос повышать не приходилось. Впрочем, он никогда по-настоящему его не повышал, если только не звал кого-нибудь, и даже это умудрялся делать мягко и ненавязчиво.

— Ладно, — подытожила Иван, ложась обратно в постель. — Я еще немного посплю, а потом, возможно, приду посмотреть, что вы там делаете.

— Может, тебе принести что-нибудь? — поинтересовался Эймери.

— Нет, я если что сама вызову.

— Хорошо. Звони, если понадобится.

Эймери наградил своего новоиспеченного тренера тяжелым взглядом и прошел к выходу из комнаты. Азаруэль закатил глаза и пошел следом.